

Н.В. Кондратьева

Удмуртский государственный университет

**О влиянии синтаксических единиц текста
на морфологическую маркировку
винительного падежа в удмуртском языке**

Аннотация: Статья посвящена исследованию дистрибуции аккузативных маркеров в зависимости от синтаксических компонентов текста на материале удмуртского языка. Выявлено, что увеличение информативной емкости предложения, наличие дейктических и анафорических компонентов, функционирование прямого дополнения в функции смысловой темы при актуальном членении предложения способствуют функционированию морфологических маркеров в структуре прямого объекта. Отсутствие дейктических элементов, а также употребление прямого дополнения в позиции ремы предложения способствуют дистрибуции морфологически немаркированной формы винительного падежа.

The article deals with the distribution of accusative markers depending on the syntactical text units on the material of Udmurt. The analysis of the data proves that the increase of the informative capacity of the text, the presence of deictic and anaphoric components as well as the use of a direct object as a theme / topic of the sentence in terms of topic realization are conducive to the use of morphological markers in the structure of direct objects.

Ключевые слова: удмуртский язык, прямой объект, винительный падеж, актуальное членение предложения, дейксис, анафора.

Udmurt language, object, accusative, realization of the topic, deixis, anaphora.

УДК: 811.511.131'36.

Контактная информация: Ижевск, ул. Университетская, 1. УГУ, кафедра общего и финно-угорского языкознания. Тел. (3412) 916170. E-mail: natalja-kondratjeva@yandex.ru.

В системе современного удмуртского языка винительный падеж может оформляться разными морфологическими способами: а) с помощью суффиксов – *эз/-ез*, *-э/е*, *-эс* в единственном числе и *-ты/-ды*, *-ыз* – во множественном; б) без каких-либо морфологических маркеров; в) путем плеонастического сращения лично-притяжательного или указательно-выделительного суффикса с аффиксом *-э/-е*. Дистрибутивная нагрузка каждого из данных показателей может быть продиктована как лексико-синтаксическими и морфологическими характеристиками объекта и / или вербальной единицы, так и особенностями функционального стиля и коммуникативными задачами актуализируемой информации.

Удмуртский язык относится к группе языков, сохранивших уральскую систему организации предложения SOV, что оказывает существенное влияние на наличие / отсутствие аккузативных маркеров в структуре прямого объекта. В частности, как отмечает М. Вилкуна, 88 % случаев употребления немаркированного винительного падежа в удмуртском языке соответствует дистрибуции прямого объекта в контактной позиции перед вербальной единицей [Vilkuna, 1998, p. 188]. Типологически данная тенденция имеет широкое распространение, так как нахо-

дит поддержку со стороны интонационной структуры предложения: «прямое дополнение может стоять в винительном неопределенном падеже, когда оно находится непосредственно перед управляющим переходным глаголом и с фонологической точки зрения составляет с последним одно интонационное целое. При этом на прямое дополнение, стоящее в винительном неопределенном падеже, падает главное ударение, а на сказуемое – второстепенное» [Киекбаев, 1965, с. 240].

Проанализировав корпус текстов из современной удмуртской литературы, было выявлено, что дистрибуция аккузативных маркеров в исследуемом языке имеет определенную поддержку и со стороны синтаксических компонентов текста, а именно: от актуального членения предложения, бинарной оппозиции известное / неизвестное и информативной насыщенности предложения, которые будут рассмотрены далее.

1. Актуальному членению предложения, разработанному в трудах Пражского лингвистического кружка в 1930-е годы для описания функциональных компонентов повествовательного предложения, принадлежит единая функция расчленения предложения на две части: ремы, или сообщаемой части, и темы, отправной точки сообщения. На поверхностном уровне противопоставление данных семантических категорий может выражаться разными средствами. В русском языке, в частности, темо-рематические отношения чаще всего актуализируются «линейно-интонационной структурой предложения и залоговыми формами» [Кобозева, 2000, с. 252]. Смысловая тема обычно становится начальной группой предложения. Акциональная рема «может включать, кроме глагола, и его именные распространители, так что логическое ударение падает не на слово, а на словосочетание» [Золотова, Осипенко, Сидорова, 1998, с. 388]. В удмуртском языке «коммуникативно-динамическое членение предложения осуществляется при помощи порядка слов, а в устной речи – при помощи интонации и особой паузы, которая реализуется между темой и ремой» [Тренина, 1984, с. 84].

Как показывают примеры, в естественном для спокойного повествования от темы к реме при сохранении исходного порядка компонентов SOV, в литературном удмуртском языке выделяется следующая тенденция морфологической маркировки прямого объекта: в позиции ремы (R) объект имеет контактную препозицию по отношению к вербальной единице и не требует аккузативных маркеров; 2) в позиции темы (T) прямой объект имеет дистантную препозицию и требует морфологического оформления: *Дасо сюрс ужасьёс татын нефть (R) потто. Чем дыръя нефtez (T) туж мур музьем сйосысь поттоно луэ* [Скаткин, 1956, с. 75]. 'Десятки тысяч рабочих здесь выкачивают нефть (R). Нефть (T) зачастую приходится добывать из очень глубоких недр земли'.

Тенденцию находящегося в позиции темы прямого объекта к морфологическому оформлению можно объяснить стремлением говорящего к разграничению субъектно-объектных функций высказывания, поскольку «категория смысловой темы тесно связана с синтаксической функцией подлежащего предложения. Первым претендентом на роль смысловой темы всегда является подлежащее» [Кобозева, 2000, с. 253]: *Бичам кеньырлэсь ныль-вить пуртыосын жук (R) пöзьто. Жүкез (T) нырысь вöсяло* [Христолюбова, 1995, с. 158]. 'Из собранной крупы здесь варят кашу (R) в четырех-пяти котлах. Кашу (T) вначале освящают'.

2. Бинарную оппозицию тема / рема нельзя отождествлять с противопоставлением известного / неизвестного – другого «упаковочного компонента предложения» [Кобозева, 2000, с. 253], – хотя последнее зачастую может совпадать с первым и также имеет определенное влияние на дистрибуцию морфологических маркеров прямого дополнения в системе литературного удмуртского языка.

Известность референта адресату имеет разный источник. Она бывает перманентной и окказиональной (см. об этом: [Крылов, 1986, с. 21–23]). В первом случае знание о данном референте входит «в фонд знаний о мире или хранится в долговременной памяти коммуникантов» [Кобозева, 2000, с. 253], как, например,

о любой известной говорящему сущности из постоянного близкого окружения адресата, среды, в которой он живет и действует, или из объектов культурного фона: *Яке малы, шуом, «Зарни кунянэз», библиотекаысьтым поттыса, огиоры гинэ бугыръяй* [Матвеев, 1995, с. 193]. 'Почему, к слову, я просто перелистывал «Золотого теленка», достав из шкафа (букв. из моей библиотеки)'. *Света монэ одйгзэ Вэль арэз пумитаны но ётьылйз вал* [Там же, с. 26]. 'Однажды Света пригласила меня встретиться вместе с ней Новый год'. Наличие морфологических маркеров в структуре прямого объекта в этом случае имеет зависимость как от лексико-семантического наполнения лексемы, так и от его морфолого-синтаксического окружения.

Во втором случае референт становится известным лишь во время коммуникативного акта и какое-то время пребывает в общем поле зрения говорящих или в их текущем сознании. Окациональная известность адресату референта, или тем самым определенность референции, как правило, достигается двумя путями, называемыми дейксисом и анафорой:

а) при дейксисе референт языкового выражения присутствует в ситуации общения: говорящий производит референцию к нему, в частности, с помощью указательных местоимений *та* 'этот', *со* 'тот', *таче* 'этакий', *сыче* 'такой' или других дейктических элементов: *Со валэз мыным сётйиз атаед*. [Леонтьев, 1995, с. 186]. 'Этого коня мне дал твой отец'. *Со турынэз исась ёвёл* [Чернов, 1996, с. 73]. 'Эту траву никто не трогает'.

Как правило, при наличии дейктических элементов в системе удмуртского языка прямой объект характеризуется наличием морфологических маркеров: *Ва тупалась Тукля-вылэз но Монья-вылэз Петыр картатэк но ас бакчазэ кадь тодэ* [Лямин, 1961, с. 188]. 'Петр и без карты, словно в своем огороде, ориентируется в местностях Туклявыл и Моньявыл, расположенных на этом берегу реки Ва'. *Секыт, туж секыт учкыны та калыкёсты, секыт кылзыны та гурьёсты, нош солэсь но секыт учкыны та че ужез, куке адями вырзылытэк кылле* [Кедров, 1959, с. 174]. 'Тяжко, очень тяжело смотреть на этих людей, слушать эти мелодии, но еще тяжелее смотреть на то, как человек лежит без движений'. В последнем примере однородные прямые дополнения *та калыкёсты* 'этих людей', *та гурьёсты* 'эти мелодии', *таче ужез* 'такое дело' независимо от того, что находятся в позиции ремы предложения, имеют морфологическое оформление, так как относятся к сфере известного, обладая к тому же дейктическими маркерами;

б) при анафоре языковое выражение отсылает участников коммуникации к референту, известному из предшествующего его упоминания в дискурсе. Чаше всего это предполагает первоначальное введение данного референта в дискурс как пока еще неизвестного адресату, т. е. неопределенного, поэтому подобный объект имеет тенденцию к нулевой маркировке, тогда как анафорическая отсылка способствует его морфологическому оформлению: *Адямиос нырысьсэ алюминий поттйзы ог сю арёс талэсь азьло. Алюминиез поттыны туж шуг вал, соин ик со дуно усьылйз но чебер карись арбериосты лэсьтыны гинэ кутйськылйз* [Скаткин, 1956, с. 88]. 'Люди начали добывать алюминий примерно сто лет тому назад. Добыча алюминия обходилась очень дорого, поэтому он использовался лишь для производства предметов украшения'. В первом примере лексема *алюминий*, являясь ремой данного предложения, характеризуется окациональной неизвестностью; во втором примере указанная лексема приобретает референцию известного с помощью анафоры, являясь одновременно темой предложения, поэтому прямой объект в этом случае имеет аккузативный формант.

В отдельных случаях анафорическая отсылка может строиться посредством изменения денотата: *Тйни ук льбмпу сылэ. Анаезлэн верамезъя, сое пересь атаез мертэм вылэм. Куасьмыны кутскем бере, ниспузэ кораллям – кайтаяз выжы котыраз вэль пушетьёс аляллям* [Чернов, 1996, с. 47]. 'Вот и черемуха. Как говорила его мать, ее посадил еще его дедушка. После того, как она начала засы-

хоть, дерево срубили – на следующий же год около корней появились новые ростки’. В данном примере лексемы *льбмпу* ‘черемуха’: *писпу* ‘дерево’ включаются в один анафорический ряд, поскольку представляют собой переход от частного к общему.

Как и при темо-рематическом членении предложения, при анафоре прямой объект чаще всего тяготеет к начальной позиции предложения и, следовательно, имеет морфологическую маркировку. Имеются случаи, когда дейктические и анафорические элементы совмещаются: *Бускель кышномурт мыным штано вандйз, сузэре вуриз. Со штанэз дйсяса, мон шудыны потй* [Чернов, 1996, с. 21]. ‘Соседка выкроила мне штаны, сестра сшила. Надев эти штаны, я вышел поиграть’.

3. Другим синтаксическим условием, имеющим непосредственное влияние на стремление прямого объекта к морфологическому оформлению в современном удмуртском языке, является информативная насыщенность предложения.

В любом предложении можно различить его предикативный минимум, организованный сопряжением субъектного и предикатного компонентов. В процессе распространения и осложнения данного предикативного минимума, с точки зрения коммуникативной лингвистики, принимают участие три фактора, которые сводятся к следующим (см. об этом: [Золотова, Осипенко, Сидорова 2000, с. 207–228]):

а) открытость семантики релятивных слов, не располагающих самостоятельным смыслом в определенной форме или определенном значении. Связи, возникающие на основе восполнения релятивной семантики слов, принадлежат уровню синтаксиса слова, это – распространение слова, образование словосочетания. В частности, глаголы, содержащие в своей семантике прямое указание на переход действия (*вёяны* ‘намазать маслом’ < *вёй* ‘масло’, *губияны* ‘собирать грибы’ < *губи* ‘гриб’, *узыяны* ‘собирать землянику’ < *узы* ‘земляника’ и др.), обладая самостоятельной смысловой нагрузкой, уменьшают свою валентность посредством утраты актанта прямого объекта: *Нуназе губияны потйм* [Чернов, 1996, с. 163]. ‘Днем направились за грибами’;

б) второй фактор действует на уровне всего предложения. Неизменяемые слова или формы слов включаются в предложение, распространяя его по потребности смысла, но не вступая в присловные связи. Указанный фактор не имеет прямого влияния на дистрибуцию прямого объекта в системе удмуртского языка, в связи с чем остается вне нашего поля зрения;

в) третий фактор – насыщение информативной ёмкости предложения путем взаимодействия в его структуре двух или нескольких предикативных единиц. Касаясь дистрибуции прямого дополнения, в данном случае речь может идти о способности инфинитива и причастных форм в удмуртском языке к функционированию в роли прямого объекта, вводящих в предложение или высказывание полипредикативность, политемпоральность: *Соослэсь выж вамен ортчемзэс ас пал ярдураз учкыса сылйз* [Чернов, 1996, с. 341]. ‘Он стоял на своем берегу, наблюдая за тем, как они проходили по мосту (букв. их прохождение)’.

На морфологическую маркировку падежа прямого объекта максимальное влияние оказывает данный фактор: чем насыщеннее информативная нагрузка предложения, тем большая вероятность наличия морфологических маркеров в структуре прямого объекта. Данная тенденция прежде всего обосновывается детерминацией имени, напр.: *Сьёре басьтэм клевер турынэз сйыса быдтэ ини, чуказе но татчы кылёно луиз ке, ййтёд, маин сюдом* [Красильников, 1991, с. 63]. ‘Привезенное с собой сено она (лошадь) уже доедает, если еще и завтра придется здесь оставаться, не знаю, чем буду ее кормить’.

С другой стороны, морфологическую маркировку прямого дополнения в этом случае можно объяснить перемещением объекта из контактной препозиции в дистантную: *Озьяен, фермае сюрес шедьтоды, уд йыроме* [Самсонов, 1965,

с. 44]. ‘Таким образом, дорогу вы найдете, не заблудитесь’ ~ *Дырды ке öвöl, мон сюресэз огнам но шедьто* [Самсонов, 1965, с. 44]. ‘Если у вас нет времени, дорогу я и одна найду’). В первом примере объект стоит непосредственно перед глаголом, занимая сильную позицию, и, следовательно, характеризуется нулевой маркировкой; во втором случае прямой объект оторван от глагола посредством включения в предложение приглагольного актанта *огнам но* ‘и сама’.

Таким образом, анализ функционирования отдельных синтаксических единиц как элементов текста и как элементов парадигмы выявляет, что дистрибуция морфологических маркеров винительного падежа в системе современного удмуртского языка может получать поддержку также со стороны «движения мысли в тексте», где дейктические и анафорические компоненты текста, а также актуализация прямого объекта в функции смысловой темы предложения способствуют дистрибуции маркированного аккузатива.

Литература

- Золотова Г.А., Осипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Кедров Ф.А. Бырьем произведениос. Ижевск, 1959.
- Киекбаев Д. О грамматической категории определенности и неопределенности в урало-алтайских языках // СФУ. 1965. № 4. С. 237–244.
- Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2000.
- Красильников Г.Д. Тонэн кылысько: Роман. Повесть. Ижевск, 1991.
- Крылов С.А. Дихотомический подход к классификации реферинциальных статусов // Анализ знаковых систем. История логики и методологии науки: Тезисы докладов IX Всесоюзного совещания. Киев, 1986. С. 21–23.
- Леонтьев А.К. Сюрес усьтйське мынйсьлы: Исторической повесть-легенда. Ижевск, 1995.
- Лямин М.А. Шудбур понна: Повесть: В 2 ч. Ижевск, 1961. Ч. 1.
- Матвеев С.В. Шузи: Роман, повесть, веросьёс. Ижевск, 1995.
- Самсонов С.А. Яратйсько тонэ. Ижевск, 1965.
- Скаткин М.Н. Естествознание: Нылетй классын лыдзон книга. Ижевск, 1956.
- Тренина Г.А. К вопросу о коммуникативно-динамическом членении предложения в удмуртском языке // Вопросы грамматики удмуртского языка. Ижевск, 1984. С. 79–87.
- Христолюбова Л.С. Калык сямьёсты чакласа. Ижевск, 1995.
- Чернов П.К. Казак воргорон: Повестьёс. Ижевск, 1996.
- Vilkuna M. Word order in European languages // Constituent Order in the Languages of Europe / Ed. A. Siewerska. Berlin; N.Y., 1998. P. 173–234.